

УДК 821.161.1

DOI: 10.18384/2310-7278-2021-5-100-105

АРХЕТИП ЛЕНИНГРАДСКОЙ КВАРТИРЫ В РОМАНАХ Е. С. ЧИЖОВОЙ

Колондаева Н. А.

Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина

196605, г. Пушкин, г. Санкт-Петербург, Петербургское шоссе, д. 10, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Проанализировать главный топоним романов Елены Чижовой – образ ленинградской квартиры – и его системообразующую роль в нарративе.

Процедура и методы. В работе рассматриваются конкретные примеры проявления архетипического образа дома (ленинградской квартиры) в романах Е. С. Чижовой. При проведении исследования применены методы обобщения, литературной интерпретации, анализа. Рассматривается понятие «архетип» в его практическом применении к литературоведческому анализу современного художественного текста.

Результаты. В ходе работы была выявлена роль архетипа ленинградской квартиры в структурном и смысловом пластах авторского дискурса.

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты исследования помогают структурировать и обобщить знания, касающиеся элементов ленинградского / петербургского текстов. Анализ романов Елены Чижовой может стать подспорьем в изучении студентами текстов современных писателей. В тексте статьи также кратко, но точно сформулированы главные трактовки понятия «архетип», которые необходимы для полного художественного анализа литературных текстов.

Ключевые слова: архетип, нарратив, современная литература, городская проза, сквозной образ, ленинградская проза, Е. С. Чижова

ARCHETYPE OF A LENINGRAD FLAT IN E. S. CHIZHOVA'S NOVELS

N. Kolondaeva

Pushkin Leningrad State University

Peterburgskoe sh. 10, Pushkin, St. Petersburg 196605, Russian Federation

Abstract

Aim. The purpose is to analyze the main toponym in Elena Chizhova's novels – the image of a Leningrad flat – and its system-forming role in the narrative.

Methodology. The paper examines specific examples of the manifestation of the archetypal pattern of a house (Leningrad flat) in E. Chizhova's novels. The research relies on the methods of generalization, literary interpretation, and analysis. The concept of archetype in its practical application to the literary analysis of a modern literary text is considered.

Results. The role of the archetype of a Leningrad flat in the structural and semantic layer of discourse is revealed

Research implication. The results of the research help structure and generalize the knowledge concerning the elements of the Leningrad / St. Petersburg texts. The analysis of elements of Elena Chizhova's novels can be of help in the study of the texts of modern writers.

Keywords: archetype, narrative, modern literature, urban prose, through image, Leningrad prose, Elena Chizhova

Введение

Один из важнейших тезисов фундаментальной монографии В. Н. Топорова звучит так: «Как и всякий другой город, Петербург имеет свой “язык”. Он говорит нам своими улицами, площадями, водами, островами, садами, зданиями, памятниками, людьми...» [4, с. 22]. С этим утверждением нельзя не согласиться. Но с развитием современной городской (в частности, «ленинградской») прозы в это утверждение хочется добавить ещё один пункт: Петербург (Ленинград), особенно в советские годы, мог говорить и своими квартирами, которые отражали не только быт людей, но и их ментальность. Поэтому анализ архетипа ленинградской квартиры как отдельно взятого структурного элемента нарратива не только представляет собой интерес для литературоведческого исследования, но и помогает обновить уже накопленные знания по анализу «ленинградской» прозы. В работе предпринята попытка анализа влияния образа ленинградской квартиры на канву повествования, а также на систему образов в романах автора.

Елена Семёновна Чицова – русский писатель, наш современник и лауреат премии «Русский Букер» – именно тот человек, который в своих романах попытался осмыслить происходящее в XX в. В её текстах мы встретим до боли знакомые детали быта коммунальных квартир, страшные реалии блокады Ленинграда и послевоенного времени, голод, очереди и талоны на питание. А самое главное – женщин. Женщин, сильных духом. Но в этом кратком описании автора, пожалуй, особенно важной деталью является её принадлежность к так называемой когорте «ленинградских писателей». Это означает принадлежность не только к месту по рождению, но и, в первую очередь, к месту по существу: тексты Е. С. Чицовой являют читателям не просто описание города, а его дух.

Архетип дома

Петербургская писательница Елена Семёновна Чицова в романах не просто детально изобразила интерьер ленинградской квартиры, она смогла показать, что этот топонимический архетип является «лицом» города, «зеркалом» состояния ленинградцев в разные временные промежутки.

Стоит сказать, что термин «архетип» мы рассматриваем применительно конкретно к литературоведческому анализу и используем его в качестве самого общего понятия, доступного читателю любого уровня. Это важное уточнение, поскольку этот термин используется в разновекторных научных сферах: философии, психологии, психологии рекламы, трансперсональной психологии [3, с. 7]. Для большего понимания термина «архетип» стоит обратиться к значению термина в энциклопедии «Мифы народов мира». Там архетип (греч. *archetypos*, ‘первообраз’) трактуется со ссылкой на работы К. Г. Юнга как «схема образов», одинаково выявляющихся во всём «коллективном бессознательном» каждого народа, причём одновременно (архетип «потопа», например)¹.

А. Ю. Большакова даёт такое определение: «Архетип – это модель, которая таит в себе ценностное смысловое ядро» [2, с. 38]. Архетипы связаны с процессом индивидуации (становлением личности) и как бы соответствуют его ступеням. Архетипы выступают в многочисленных конкретных образах в позитивных и негативных вариантах. Существуют архетипы трансформаций в виде типических ситуаций, места, путей, средств.

М. Бодкин в работе «Архетипические образы в поэзии» имеет сильный психологический уклон с ориентацией в основном на архетипы К. Юнга. Он интересуется прежде всего эмоционально-психологическими моделями литературных жанров и образов. Например, образ Бога в мифоло-

¹ Мифы народов мира: энциклопедия: в 2 т. Т. 1 / гл. ред. С. А. Токарев. М.: Советская энциклопедия, 1980. С. 110.

гии и литературе М. Бодкин демонстрирует в двух вариантах: не только как символ единства, высших ценностей, вечного порядка, интеллекта и т. п. (в духе архетипа «самости»), но и как страдающего и воскресшего сына божия (божественное во временном аспекте), а также как деспота, поскольку речь идёт о борьбе человека против судьбы. В свете юнговской теории «проецирования» интересен и её анализ божественных, демонических, героических образов. Героя она рассматривает как архетипическую фигуру, колеблющуюся между богом и дьяволом [1].

Доктор философии, американская писательница Кларисса Пинкола Эстес, исследуя архетип в мифах и сказаниях, утверждает, что он – «огромная сила, в которой есть и тайна, и наука. Каждый архетип несёт в себе характерные качества, подтверждающие названия, которые мы дали этому архетипу: великая мать, божественное дитя, великий герой, великий целитель. Они сосредотачивают в себе мудрость, доброту, знание, заботу и т. д.» [5, с. 279]. Природа архетипа состоит в том, что он оставляет частицу себя там, где произошло его соприкосновение с душой. Иногда он оставляет вещественное доказательство, символический образ, и так проникает в жизнь, сны и мысли каждого смертного [5, с. 321]. Исследователь считает, что «архетип может быть вечно деятельным, всемилостивым, постоянно энергичным. Можно стараться ему подражать, но архетип – это идеал, недоступный человеку» [5, с. 279]. Вместе с этим архетип – непостижимая сила жизни [5, с. 483].

Из всего вышесказанного можно сделать вывод, что формообразующие элементы архетипа схожи в своём первоначальном значении для каждого временного среза и для каждой народности, но более узкое смысловое наполнение может различаться в зависимости от исторической, экономической, социальной обстановки и других факторов. В нашем случае речь пойдёт как раз о более узкой трактовке термина.

Итак, если под архетипом мы понимаем «первообраз», часто повторяющиеся

мотивы в литературном произведении, то логично подчеркнуть, что под «архетипом ленинградской квартиры» мы подразумеваем архетип дома. В целом этот архетип (архетип ленинградской квартиры) можно считать полноценным, но обобщённым литературным топосом, важным не только для романов конкретного автора, но и для петербургской городской прозы в целом.

«Ленинградский» дом

Дом для советского жителя Ленинграда (по сути, «коммуналка») в романах Е. С. Чижовой предстаёт не просто жилищем. Это целая система, которая помогает читателю перманентно постигать не только общий замысел текста, но и характеры героев, их привычки, межличностные связи, уровень воспитания и образования. Такое утверждение применительно, например, к роману «Орест и сын». Повествование начинается с описания переезда семьи одной из главных героинь Ксении из «коммуналки» в собственное жильё, в «новостройку»: *«Грузчики задвинули в угол шкаф и ушли навсегда. Теперь оставалось самое трудное: смириться, что голые стены, продуваемые семью нынешними и сорока девятью будущими ветрами, есть Дом, в котором всяк остаётся свободен, приходя и запираясь в доме своём...»*¹ (недвусмысленная отсылка к выражению «Оставь надежду, всяк сюда входящий»). Рассказчица не может смириться с переездом, ведь архетипическое представление о Доме связано с той самой коммунальной квартирой – там история, там корни, там Дом: *«души летели назад – туда, где дом их был вечен... Теперь, вырванные с корнем, они потеряли лица и являли такой жалкий вид, что в этих жертвах разора нельзя было узнать их прежних – живых...»*². Очевидно, что старый «дом» является неким символом жизни, разрыв связи с которым обезличивает человека. Писательница ясно показала отношение героев к новому жилищу с помощью эле-

¹ Чижова Е. С. Орест и сын. М.: Астрель, 2012. С. 5.

² Там же. С. 10.

ментов описания: «всё одинаковое», «желтоватые обои», «серый линолеум». А вот прежний дом был не просто привычен, но и любим его обитателями. Такой искусственно образовавшийся сбой аксиологических устоев у героев романа, отражённый в сцене переезда, может служить аналитическим ориентиром для читателя.

А в романе «Время женщин», ставшем в 2009 г. лауреатом премии «Русский букер», коммунальная квартира является объединяющим звеном для героев: мама Антонина с дочкой Сюзанной живут по соседству с тремя старухами: Гликерией, Евдокией и Ариадной. Их быт налажен, каждая героиня имеет место в доме, соответствующее её увлечениям или нуждам, а кухня – общее место – была центром квартиры: «К раннему часу собирались на кухне. Тут, пока дитё не проснулось, решали всё важное – строили планы»¹. Детали интерьера и быта отражают дух времени: «чёрное большое радио», «пьяльцы для вышивки», «железная чашка», «рейтузы из толстой шерсти», «свечка на блюде», «общий таз для стирки», «огромная чёрная плита с кованым засовом», «мучные железные банки».

Архетип ленинградской квартиры находим и в развязке романа. Кольцевую композицию текста создаёт опять-таки элемент быта – скатерть, которую выросшая и осиротевшая Сюзанна привезла из старой коммунальной квартиры в новую, собственную: «Иногда я стелю камчатную скатерть с розами и представляю, как мы садимся вокруг стола – и отец, и мама, и бабушки. Это для них я купила такую большую квартиру. Чтобы у них был дом, в котором больше не страшно, потому что это – наши комнаты и их никто не отнимет»². Очевидно, что пресловутый «квартирный вопрос» сыграл значимую роль в жизни многих ленинградцев и повлиял на их мироощущение. Безусловно, наличие перечисленных элементов в повествовании эстетически ангажировано, ведь автор в интервью часто

акцентирует внимание на том, что сама выросла в «коммуналке», и все детали обихода для неё несут особый, сакральный смысл.

Отсюда вытекает подробное описание ленинградской квартиры в романе-расследовании «Город, написанный по памяти». Очень личный, интимный роман-воспоминание о жизни своих предков. Здесь стоит говорить, скорее, не об общем описании «коммуналки», а о деталях, составляющих общую картину: «они с отцом совершили первую семейную покупку: ту самую дюралюминиевую с чёрным покрытием сковородку на деревянной ручке, которая до сих пор живёт у нас на даче»³; «тугой водопроводный кран над облупившейся кухонной раковиной»⁴; «В маминной памяти их комната выглядит так: “Всё пространство занимали кровати. У двери деревянный резной буфет. Шкафа не было. Посередине стоял дубовый стол на толстых ножках”»⁵. Причём этот рассказ мамы, записанный на диктофон, даже через долгие годы очень ясный и детальный: «Следующую (комнату. – Н. К.), метров восемнадцать ... занимала полячка Варвара Феликсовна. Она умерла перед самой войной ... Следующая комната: тёти-Настина ... метров 13 ... У неё было две дочери»⁶. Из записанного монолога становится понятно, что жившие в одной квартире люди образовывали не просто коммуны, а неестественным образом (а конкретно жилищным вопросом) соединённую семью, где каждый знает судьбу другого переживания, перспективы и ценности.

Новая эпоха – эпоха семидесятых – восьмидесятых, описанная в романе «Лавра», – преподносит и новое видение архетипа дома. С ним мы сталкиваемся в первой же главе «Опрокинутый дом». Речь снова идёт о переезде. Но если раньше он означал для героев смену «родины» (из старого

³ Чиждова Е. С. Город, написанный по памяти. М.: АСТ, 2019. С. 25.

⁴ Там же. С. 31.

⁵ Там же. С. 69.

⁶ Там же. С. 71.

¹ Чиждова Е. С. Время женщин. М.: АСТ, 2018. С. 16.

² Там же. С. 190.

Петербурга на периферию; из квартир, хранящих память предков, в новую бетонную «коробку»), то здесь мы сталкиваемся с радостью от получения собственного жилья. Рассказ ведётся от лица девушки, которая вместе с мужем (её бывшим школьным учителем) отправляется на осмотр квартиры: *«В те времена нас переполняла радость обрётённого жилища, которую не могли омрачить ни смерть пьянчужки, ни буйство сорной травы, укрывающей окрестности, ни циклопические размеры поваленной башни-муравейника, в которой нам предстояло жить. Вначале нас было двое – муж и я. Три года, которые мы провели, скитаясь со своим scarбом по чужим комнатам, были сроком ничтожным»*¹.

Внешний вид новостройки и её окрестностей вызвал в воображении героини причудливые сравнения: *«Дом был невысок, всего девять этажей, а потому больше походил на неудавшийся, почти космический небоскрёб или башню, поваленную на землю – в сердцах. Этот дом, о котором не хочешь, да скажешь – лежал, выстроили в тупике бывшего Комендантского аэродрома. Дальше начинались Коломяги – нетронутая земля»*². Неожитое пространство вызывало у рассказчицы ужас, если не сказать отвращение: *«Лифт не работал. Мы поднялись на шестой этаж и открыли свою будущую дверь строительным ключом. Я остановилась на пороге. Серый бетон, ещё не одетый обоями, ошеломил меня. Сделав над собой усилие, как будто входила в склеп, я ступила на порог, стремительно, почти не глядя вышла. "Потом, потом", – нужно было время, чтобы свыкнуться»*³. Именно в описанном эпизоде можно наблюдать естественное замещение архетипического понятия «дом» с его памятью о «корнях», предках, с наследованием традиций, на понятие «жильё». Теперь людям новой эпохи предстоит по крупицам создавать «новый дом», и в романе этому снова способствуют детали быта: *«Развесив светильники и граюры, раскатав ковёр, прицепив шторы к*

*карнизам...»*⁴. Как можно увидеть, архетип дома в романах Елены Чижовой претерпевает эндогенные изменения, но сохраняет при этом значимость для нарратива – этот первообраз вариативно присутствует в художественном полотне романов.

Заключение

Подводя итог вышесказанному, отметим, что архетип ленинградской квартиры является не просто важным обобщённым топосом, а квинтэссенцией нарратива в романах петербургской писательницы Елены Семёновны Чижовой. Это главное место, где формируется сознание героев и которым зачастую объясняются мотивы их поступков. Этот архетип – неотъемлемый элемент современного городского (ленинградского, петербургского) текста, которому необходимо уделять внимание при анализе художественного произведения.

Таким образом, краткий обзор вышеназванного архетипа может помочь расширить сферу исследования локального («петербургского») текста, а также изменить взгляд на объект исследовательской работы литературоведов. Более того, такой подход поможет заинтересовать в чтении современной литературы учащихся образовательных учреждений, следовательно, изменить методические рекомендации в прикладной филологии.

Статья поступила в редакцию 03.08.2020.

¹ Чижова Е. С. Лавра. М.: АСТ: Астрель, 2011. С. 8.

² Там же. С. 8.

³ Там же. С. 9.

⁴ Там же. С. 9.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бодкин М. Архетипические паттерны в поэзии / пер. М. Готтфриед. М.: Клуб Касталия, 2019. 402 с.
2. Большакова А. Ю. Теория архетипа на рубеже XX–XXI вв. // Вопросы филологии. 2003. № 1. С. 37–47.
3. Иванова М. Г. Культурные архетипы как объект историко-философского анализа: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2017. 32 с.
4. Топоров В. Н. Петербургский текст русской литературы: избранные труды. СПб.: Искусство-СПБ, 2003. 616 с.
5. Эстес К. П. Бегущая с волками. Женский архетип в мифах и сказаниях / пер. с англ. Т. В. Науменко. М.: София, 2018. 448 с.

REFERENCES

1. Bodkin M. Archetypal Patterns of Poetry: Psychological Studies of Imagination (Rus. ed.: Gottfried M., transl. *Arkhetipicheskie patterny v poezii*. Moscow, Klub Kastaliya Publ., 2019. 402 p.).
2. Bol'shakova A. Yu. [Theory of the Archetype at the Turn of the 20–21 centuries]. In: *Voprosy filologii* [Issues of Philology], 2003, no. 1, pp. 37–47.
3. Ivanova M. G. *Kul'turnye arhetipy kak ob'ekt istoriko-filosofskogo analiza avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Cultural Archetypes as an Object of Historical and Philosophical Analysis: Abstract of Cand. Sci. Thesis in Philosophical Sciences]. Moscow, 2017. 32 p.
4. Toporov V. N. *Peterburgskii tekst russkoi literatury* [Petersburg Text of Russian Literature]. St. Petersburg, Iskustvo-SPB Publ., 2003. 616 p.
5. Estés C. P. Women Who Run with the Wolves: Myths and Stories of the Wild Woman Archetype (Rus. ed.: Naumenko T. V., transl. *Begushchaya s volkami. Zhenskij arhetip v mifah i skazaniyah*. Moscow, Sofiya Publ., 2018. 448 p.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Колондаева Наталья Александровна – аспирант кафедры языкознания и литературоведения Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина;
e-mail: natakolondaeva1994@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Nataliia A. Kolondaeva – Postgraduate Student, Department of Linguistics and Literary Studies, Pushkin Leningrad State University;
e-mail: natakolondaeva1994@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Колондаева Н. А. Архетип ленинградской квартиры в романах Е. С. Чижовой // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2021. № 5. С. 100–105.
DOI: 10.18384/2310-7278-2021-5-100-105

FOR CITATION

Kolondaeva N. A. Archetype of a Leningrad Flat in E. S. Chizhova's Novels. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 2021, no. 5, pp. 100–105.
DOI: 10.18384/2310-7278-2021-5-100-105